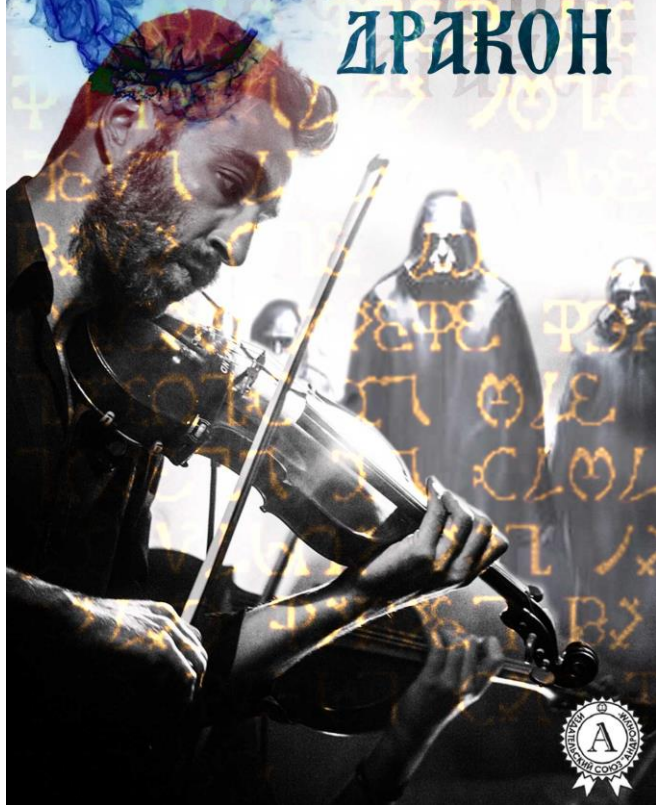

АНДРЕЙ
ДМИТРУК

СЕРЕБРЯНЫЙ ДРАКОН

Аннотация

Редкий жанр в фантастике — фантастический детектив. У скрипача Павла Шунько с детства есть загадочное свойство: время от времени в его памяти всплывает ряд слов на неизвестном языке. Павел не знает, что этот странный дар роднит его ещё с двумя людьми на Земле — почтмейстером из Швеции и гаитянской жрицей культа воды; что таинственными фразами, представляющими фрагменты некоего текста, интересуется тайный орден, правящий небольшой европейской страной. Всё выясняется лишь после того, как мирного музыканта затягивает вихрь опаснейших приключений...

Андрей Дмитрук

СЕРЕБРЯНЫЙ ДРАКОН

Фантастический детектив

ПРОЛОГ

Дневной ветер дул на удивление ровно. Длинные низкие волны накатывались с машинной равномерностью. Небо с утра оставалось бледно-синим, почти безоблачным, но не слишком жарким. По приказу капитана Шепарда большинство верхних парусов было убрано, но трёхмачтовый барк достаточно резво бежал левым галсом¹.

Капитан сидел на мостике, сдвинув треуголку на лоб и поминутно прихлёбывая из кружки. У ног его стоял пузатый глиняный кувшин, на коленях лежала подзорная труба. Полотняное кресло поскрипывало от движений грузного тела.

В эти часы на судне царил покой. Два-три матроса убирали палубу, плотник чинил

¹ Чтобы объяснить все морские термины, встречающиеся в прологе, понадобилось бы слишком много ссылок. Автор предлагает читателям, не знакомым с парусным флотом, самим порыться в источниках.

повреждённый при погрузке фальшборт; не было слышно свистков или окриков боцмана. Ничто не предвещало ненастья. Ещё два-три дня такой погоды, и судно уйдёт далеко на север, где ляжет на прямой курс к родным местам.

Шепард снова отпил «тёмного бархатного». Последний бочонок из числа взятых в плавание... Двойственное чувство владело капитаном. С одной стороны, было невыразимо приятно подсчитывать в уме возможные барыши. Рейс «Клементины» прошёл на редкость удачно. Слава Богу, в кормовом трюме штабелем до самого люка сложены слоновьи бивни, громоздятся брёвна чёрного дерева. Тяжёлые, словно ядра, мешочки золотого песка — Господи, за какую же чепуху команда выменяла их у вождей чёрных племён! — надёжно заперты в окованном сталью сундуке. И, наконец, в ящике капитанского стола лежат полновесные дублоны, уплаченные этой чёртовой троицей. Приятная сумма! Места на барке можно было купить вдвое дешевле, — но раз уж предложили, не станет же Шепард сбивать цену...

Вот тут и начиналась вторая сторона — тревожная, тёмная. С той поры, как из-за приморских дюн и болот вышел и приблизился к гавани маленький караван, у капитанского благодушия появилась изнанка. Кто были странные пришельцы, попросившиеся на борт

«Клементины»? Откуда они бежали? В том, что перед ним беглецы, преследуемые, — капитан не сомневался...

Безусловно, на борт взошли европейцы. Но из какой страны? Старший, который представился, как «скромный служитель Господа», говорил по-английски бегло, однако с заметным акцентом. Двое остальных изъяснялись преимущественно жестами, порой употребляя искажённое английское слово; между собой же и со старшим лопотали на каком-то другом языке. О себе не рассказывают ничего... «Можете считать, капитан, что вам платят за скромность и отсутствие любопытства». «Как пожелаете, сэръ!..» Сто чертей, — что, если это преступники и на них объявлен розыск? Один только «багаж» их чего стоит... Престон, весьма грамотный и начитанный помощник капитана, предположил, что перед ними — алхимики, а то и дьяволопоклонники; должно быть, общались с африканскими колдунами и вдали от цивилизованного мира ставили свои сатанинские опыты... Ох, как бы и Шепарду не держать ответ перед большими париками!

Допив кружку, он придирчиво осмотрел её дно. Всё-таки, в пиве есть осадок. Или это от трёхмесячной болтанки по морям?.. «Если мы будем довольны вами, капитан, по приходе в порт получите вознаграждение сверх нашего

договора». — «Очень вам признателен, сэр!..»

Закрыв глаза, Шепард чуть слышно застонал. Но тут же обернулся на звук шагов. Вот они, голубчики! Шествуют вдоль штирборта. К добру ли? До сих пор троица поднималась из своей каюты на палубу лишь после захода солнца, избегала людей. Матросы вытаращились, как на бродячий цирк. Деревенщина Биркин даже уронил ведро, за что и получил пинок от боцмана.

Впереди шагал «служитель Господа», в своём потёртом лиловом кафтане с серебряными пуговицами, в коротких штанах на дворянский манер, в парике с кошельком и при шпаге. Ну и образина! Бледен, точно жил последние годы не в Африке, а у эскимосов. Красные круги вокруг бледно-голубых слезящихся глаз; большие, тонкие, как лист, оттопыренные уши. Взгляд отсутствующий; но уж если направит его в лицо Шепарда и заговорит, — кажется, что в мозг вонзаются стальные иглы... За ним, кутаясь в платок, семенит низенькая полная женщина. У неё тронутая оспой кожа и рыжие опущенные ресницы; она почти всегда молчит и ведёт себя, как рабыня. Шествие замыкает плохо выбритый коренастый брюнет с загорелым лицом простолюдина; он носит маленькую треуголку и кожаный жилет поверх простой рубахи. Капитан слышал: брюнета зовут Анри, а женщину Нисса.

Что они затеяли? Зачем сгрудились у борта и внимательно вглядываются в море? Сизо-серая, подёрнутая пеной равнина пуста безусловно. «Служитель» бросает короткую фразу, и вот уже Нисса, раболепно присев, пускается в обратный путь. Анри, вероятно, приказано ожидать. Сам же главарь, положив руку на шпагу, ныряющей походкой шагает к капитанскому мостику.

Скрывая невольный трепет, Шепард чуть привстал из кресла и тронул пальцем шляпу. Старший ответил кивком — и остановился напротив, расставив циркулем тощие ноги.

— Раненько вышли сегодня, сэръ! — стараясь говорить спокойно и небрежно, начал капитан. — А и впрямь, хороша погодка. Этак мы скоро окажется на большой купеческой дороге...

Осмелев, он даже подмигнул жутковатому пассажиру — и вдруг осёкся, поняв, как тот взволнован. По-своему, конечно, — сохраняя полное бесстрашие, — но взвинчен до крайности. Вон, капли пота выступили на коже, и тонкие пальцы, изуродованные ожогами, подрагивают на эфесе.

— Скажите, капитан, — может ли ваш корабль идти быстро? Вдвое более быстро, чем сейчас? — тщательно выговаривая каждую букву, спросил «служитель».

Вопрос был лестным. Поиграв бровями,

словно в раздумье, Шепард степенно ответил:

— Для барка, сэр, «Клементина» легка на ходу. Думаю, что при увеличенной парусности и добром ветре в корму я могу делать и шестнадцать, и семнадцать узлов.

— Ветер вы имеете, капитан. Вы должны только поднять паруса.

— С какой стати, сэр? — поморщившись от визгливых нот в голосе собеседника, удивлённо спросил Шепард. — Погода не обещает перемен, зачем же зря гонять людей?

— Перемены обещает не погода. На купеческой дороге есть другие опасности, — зловеще намекнул «служитель». И, наклоняясь вперёд, так что Шепарду стал хорошо слышен запах химикалий, — добавил с неожиданным пылом:

— Прошу вас прибавить ход. Я заплачу за каждый узел!..

Алчность шевельнулась в душе капитана, — однако её быстро вытеснило негодование. Взыграла гордость полновластного хозяина судна, совладельца «Клементины» в пятой доле. В конце концов, кто здесь командует, Джон Шепард из Ливерпуля — или этот лопаухий вампир? Боится, торопится... знать, и вправду совесть нечиста.

— Не вижу необходимости, сэр, — сказал капитан и положил ногу на ногу. — Хорошего вам дня.

Если бы властен был человеческий взгляд разрушать, — клочки полетели бы от почтенного совладельца барка... Но Шепард выдержал, не показал слабости. Не дрогнул, — хотя эти выцветшие глаза на узком бескровном лице, эти сжатые в точку, невыносимо колкие зрачки могли смутить любого нормального человека. Собрав остатки воли, капитан поднял подзорную трубу, раздвинул её и сделал вид, что внимательно оглядывает морскую даль.

Фу ты! Рядом мелькнула, чуть не задев по лицу, шпага «служителя Господа». Простучали по ступеням его подкованные каблуки. «То-то же», назидательно подумал Шепард. Но прошло ещё несколько секунд, прежде чем он покосился в сторону борта. Обоих пассажиров уже не было на месте. И капитан, облегчённо вздохнув, кликнул юнгу, чтобы тот наполнил кувшин...

Так, в мелких заботах и радостях, миновал этот обычный день плавания. Уже наливались оранжевым светом слои облаков над горизонтом, и летучие рыбы по-вечернему часто выпрыгивали из воды, и боцман Хьюг, успевший пропустить стаканчик-другой за обедом, изливал свою тоску по родине с помощью губной гармошки, — когда ангельским гласом слетел с марса крик дозорного:

— Сзади по курсу корабль!

Капитан Шепард, опять-таки сидевший с

кружкой на своём дощатом «престоле», вооружился подзорной трубой. Да, — «Клементину, безусловно, догоняли. Двухмачтовый бриг, словно танцуя, легко перемахивал с волны на волну. Столь откровенно хищной была повадка преследователя, что капитан невольно вспомнил, как сегодня утром дрожали пальцы вспотевшего «служителя», как отчаянно предлагал он свои дублоны... «Знал! Но откуда, каким образом?!» Теперь Шепард был готов кусать себе руки оттого, что оказался не в меру самолюбивым. Стыдно, стыдно так опростоволоситься перед «сухопутными крысами»...

Он всё ещё сидел в кресле, но уже точно разжималась в капитанском теле отпущенная пружина. Шепард ловил в фокус точку... крошечное пятнышко на грот-гафеле брига. И, разглядев это *чёрное* пятнышко, — вскочил с медвежьим рёвом, и отшвырнул ногой кувшин, и заорал, срывая глотку:

— Боцман! Все наверх! Грот- и фор-марсели поднять, брамсели поднять!..

Отчаянной трелью грянул свисток разом протрезвевшего Хьюга. Зашлёпали босые ноги; матросы ринулись на ванты, вцепились в паутину снастей. Бриг уже был виден простым глазом — во всех подробностях, как искусно сделанная игрушка... Шепард спустился с мостика и трусцой

побежал на корму, к своей каюте. Надо было прятать золото; запихивать в трюмные щели, в ларь с крупой на камбузе, — куда попало!..

Он едва успел рассовать мешочки и дублоны по укромным углам. Скрепя сердце, насыпал горсть монет в ящик стола, — полное отсутствие денег подозрительно...

За пять минут подняли все паруса, вплоть до трюмселей. Но чужой корабль обнаружил дивную быстроту. Когда капитан вновь выбрался на палубу, — бриг вспарывал море в полукабельтове от «Клементины». Манёвр был понятен: зайдя с подветренного борта, отобрать ветер у парусов барка.

«Сирена»... Знаем такую. Слава Богу, не встречались, но много слышали. Ничего не скажешь, красивое название! И вместе с тем — уж не намёк ли на тех чудовищ, о которых долгими вечерами рассказывал за столом всезнающий Престон? Нечисть, сладким пением заманивающая мореходов на скалы... Судно в отличной форме, любо-дорого смотреть. За высоким больверком — славная защита от пуль и картечи! — поблёскивают стволы мушкетов. В открытых портиках видны багровые сполохи; значит, пушкари уже стоят с зажжёнными факелами...

Что и говорить, — «Клементине», с её парой трёхфунтовых фальконетов, драться не приходится.

Шепард подозвал Хьюга и Престона, велел успокоить матросов:

— Пускай ждут команды. На «Сирене», видимо, народ серьёзный. Одно неловкое движение, и можем пойти на корм рыбам.

— Будем выворачивать карманы? — угрюмо спросил помощник.

— Жизнь дороже, — наставительно сказал боцман, ранее служивший в королевском флоте. — У них восьмифунтовые ядра, сэр.

Подойдя почти вплотную, «Сирена» выстрелила из носового орудия. Басом прогудело ядро над бушпритом «Клементины». («Двенадцать фунтов», с уважением сказал Хьюг.) Матросы, столпившись у борта, мрачно рассматривали овеванный кабацкими рассказами, подобно «Летучему Голландцу», а ныне столь близкий, мирно полощущий флаг с Адамовой головой. Иные крестились. И вот, некто в красно-золотом камзоле и шляпе с галунами, стоя на шканцах «Сирены», загорланил через рупор:

— Эй, на барке! Паруса на рифы! Лечь в дрейф!

Изъявляя готовность повиноваться, Шепард поднял над головой треуголку, но скомандовать так и не успел.

Со стуком откинулся люк пассажирской каюты (вернее, парусной, которую наскоро

приспособили под жильё), и оттуда с гулким жужжанием выплыл жёлто-чёрный вихрь. То были шмели. Рой пушистых полосатых шмелей размером с воробья. (Престон потом сообщил латинское, очень подходящее имя шмеля: *Vombus!*) Каждый из них метался будто бы беспорядочно, — однако рой сохранял единство и, кружась, перемещался над палубой.

Бывалый боцман показал пример прочим, бросившись ничком на доски. Люди валились там, где стояли. У капитана, несмотря на ужас, ещё сохранились остатки достоинства, — поэтому он не плюхнулся вместе со всеми, а торчал столбом, не в силах сдвинуться с места, и вытаращенными глазами наблюдал за происходящим.

Вот из каюты гостей выныривает невысокий, косолапый Анри: на лице у него сетчатая маска. В одной руке у мужика — обычное корабельное ведро, в другой — чадающий факел. Шмелиный, грозно гудящий смерч на миг сгущается вокруг дерзкого... но тот, ничем не смущаемый, суёт факел в ведро, и тысячная стая шарахается к борту, словно единое существо. Ведро поставлено на палубу, из него начинает валить жирный копотный дым. Всё это совершается за несколько секунд. Ещё мгновение, другое, и «Клементина» окутана дымом; слышится надрывный кашель матросов; сам Шепард, изо всех сил жмурясь, зажимает рот и нос.

Затем наступает облегчение. Ветер, — ну, конечно же, ровный сегодняшний норд-норд-ост помог и теперь. Барк выскочил из дымной тучи; то есть, ведро продолжает извергать смрадные клубы, но они остаются за кормой, образуя чёрную извилистую реку над океаном. Дым сделал своё дело, отогнав чудовищных шмелей от «Клементины».

Провинциал, выходец из богомольной семьи, — Джон Шепард всегда пытался сохранять хотя бы остатки христианских добродетелей. Конечно, этому мешала жизнь совладельца торгового судна: когда заключаешь сделки, зачастую не до библейских заповедей. Однако сейчас капитан изо всех сил пытался вызвать в себе сострадание к ближним. В данном случае, ближними были — известный на морях капитан «Сирены» Хесус Диего Хосе Франциско де Соледад Хуан Криспин де ла Сантиссима Тринидад Руис и Вальехо, или попросту Хосе-Дьявол, и вся его команда, давно обагрившая купеческой кровью воды Атлантики от Капстада до Азор. Но, несмотря на все усилия, Шепарду никак не удавалось проникнуться жалостью к беспомощно вертящемуся на волнах бригу, чей экипаж, надо полагать, был, по меньшей мере, парализован роем адских шмелей, а может быть, и расставался с жизнью. Самих насекомых уже не было видно, —

однако жуткий танец корабля становился всё более беспорядочным... и это рождало в грешной душе Джона отнюдь не сочувствие, а, напротив, злорадное торжество.

Опомнившись и увидев, что «Клементина» также более не управляема, и несёт её по волнам, будто пустую бочку, Шепард заорал неистово:

— К повороту, сукины дети!.. Два румба под ветер, увались! Руль на ветер! Пошёл поворот! Фока- и кливер-шкоты раздёрнуть!..

Когда поворот оверштаг был, наконец, закончен и судно резво побежало в бейдевинд, — капитан понял, что ему надо делать. Вдоль штирборта он направился к люку парусной. Проходя мимо ведра, уже едва чадившего, поморщился от запаха: такой аромат не то, что шмелей, орлов бы отпугнул!..

Люк был затворён; Шепард вежливо постучал костяшками пальцев. Открыл сам «служитель»; в полутьме каюты огромные круглые глаза светились по-совиному. Капитану захотелось перекреститься, но он сдержался и вежливо спросил:

— Сэр, нельзя ли вёдрышко ваше спихнуть за борт? Своё дело оно сделало, спасибо вам, — а теперь, извините, пованивает...

— Конечно, — глуховато донеслось снизу: Шепард тут же распорядился, ведро полетело в волны. Он хотел уже попрощаться и закрыть люк,

но с неожиданной любезностью «святой отец» добавил:

— Заходите, капитан. Спускайтесь, милости просим!..

Вот это был действительно сюрприз. Понятное дело, когда вблизи от устья Конго брали на борт всю компанию, — Шепард с Престоном осмотрели багаж «служителя» и его спутников; сомнения были серьёзные, но отступили перед звоном дублонов... (Между прочим, никаких шмелей там не было.) Однако до сегодняшнего дня никому на судне не удавалось даже одним глазком глянуть, как именно обустроились пассажиры в бывшей парусной. И вот, наконец, капитана пригласили.

Не без суеверного трепета он спускался по лесенке... Горели свечи. Второй, за сегодняшний день, сильный и неприятный запах ударил в ноздри. Вернее, здесь это была смесь запахов: гари, спирта, аммиака и Бог весть ещё чего. Всё, что ранее было скрыто в сундуках с железными углами, обитых потёртой кожей, теперь нашло себе место на полках, предназначенных для парусов, на грубо сколоченном столе, даже на полу. Приборы, обросшие витыми стеклянными трубками; каменные и фарфоровые тигли; пробирки в штативах, полные разноцветными жидкостями или странной лохматой плесенью; несколько особенно

пугающих банок с заспиртованными внутренностями, звериными и человеческими зародышами...

Широким жестом сдвинув несколько ступок и мисок, старший освободил угол стола:

— Прошу садиться! Рекомендую...

Анри вместе с Ниссой, скромно улыбаясь, подавали угощение: графин с тёмно-рубиновой жидкостью, хрустальные бокалы, на блюдах — нарезанный сыр и яблоки. Троица пользовалась, в основном, своими запасами, почти никогда не обращаясь к судовым, разве что за какой-нибудь мелочью. Всё ещё внутренне ёжась, капитан принял наполненный бокал; поколебался, не снимая с лица улыбки... Жутковато усмехаясь, «служитель» тянулся чокаться. Дзинь! «А, не такие уж они дураки, чтобы отравить капитана посреди рейса... да и к чему бы, что я им сделал плохого?..»

— За благополучное завершение плавания, капитан!

— За это с удовольствием, сэр!..

Пригубили. Вино было густым и сладким, будто ягодный сироп, но пахло не ягодами, а восточными благовониями. Когда Шепард взялся за сыр, он почувствовал настойчивые прикосновения к своей ноге. На сапог капитана взобрался передними лапами и молча смотрел снизу очень крупный щенок странного окраса — рыжий с чёрными

разводами. Его подчас выводил на палубу Анри, но корабельный порядок при этом не нарушался: помощник «служителя» мигом убирал за щенком... Собственно, и морда-то была не совсем собачья, лобастая, с прижатыми ушами и широко расставленными глазами без белков, напоминавшими голыши гагата. «Ух ты, пострел», сказал Шепард, опуская руку с куском галеты; щенок ухватил печенье, лязгнув при этом такими серпами-клыками, что Джона опять пронизала волна безотчётного страха.

Впрочем, дальше всё пошло спокойно; даже уютно стало на душе у капитана, наверное, не без действия вина. И «служитель», видимо, без всяких задних мыслей, подливал да расспрашивал — о морских течениях, пассатах и муссонах, о том, какие ещё встречи могут быть на пути... «Да ты сам всё лучше меня знаешь», думал Шепард, однако послушно рассказывал, набираясь мужества для собственного решительного вопроса: что за Голиафы из мира насекомых были сегодня выпущены на пиратский корабль?..

«Чёрт, кто он такой, в конце концов, — вот возьму да спрошу!..»

И, допив очередной бокал, капитан напористо начал:

— Послушайте, сэр, — вы понимаете, я всё-таки должен знать, что происходит на моём

судне. Так вот...

Его прервали. Детский плач, похожий на мяуканье, донёлся из дальнего угла; другие младенческие голоса, как водится, подхватили соло «запевалы». Тенью метнулась туда Нисса.

Забыв о том, что он хотел спросить, Шепард невольно поднялся. Сами ноги понесли его вслед за женщиной. Наконец-то он вблизи, во всех деталях, рассмотрит эти пискливые свёртки, полмесяца назад быстро пронесённые на корабль. Тогда лишь красные сонные личики на миг показали капитану, чтобы он убедился: в свёртках действительно малыши. Хоть из глубин Африки принесли их, — белые...

Вот они, трое! Лёжа рядком на одеяле, в широкой корзине, шевелят игрушечными ручонками и ножками, тарашатся на подошедших... Славные голенькие несмышлёныши, не старше трёх месяцев. Интересно, они и вправду одинаковы, — тройня, — или просто все дети в этом возрасте похожи друг на друга? Джон уже подзабыл, его сыновья взрослые...

— Отойдите, пожалуйста, мистер, — со страшным акцентом говорит Нисса и растёгивает верхнюю пуговицу платья. Успокоительно улыбнувшись, Шепард возвращается к столу...

Глава первая, говорящая о том, как принял пациента психиатр Пер Вистранд

Главное, чем гордился маленький, неправдоподобно чистый шведский городок, — это совершенный покой. На центральной площади, перед фронтоном ратуши стояла на газоне чугунная пушка с рельефами, изображавшими голову Медузы Горгоны и прочие воинственные сюжеты. О пушке было известно, что в последний раз она выстрелила с портового бастиона по неприятельскому паруснику в 1814 году. С тех пор ни один выстрел не тревожил жителей города. Разве что открывал пальбу мотоцикл какого-нибудь заезжего рокера, и опять всё стихало.

Все знали друг друга, все были добрыми друзьями — владельцы магазинов и полицейские, прокурор и парикмахер, гробовщик и мэр. Дружелюбие распространялось тут на любого. Даже ночной диалог юнца-наркомана с бургером, у которого названный юнец вымогал пять крон на «косячок», редко оканчивался рукопашной...

Вот по такому райскому местечку, по тихой, нагретой послеобеденным солнцем Гамла-Марине-гатан шёл мимо тентов открытых кафе, часто приподнимая ажурную летнюю шляпу,

мужчина лет сорока, начальник почтового отделения Ларс Магнуссон. Может быть, строгий ценитель нашёл бы его фигуру слишком массивной, а щёки — чрезмерно румяными, но на все вкусы не угодишь...

Поприветствовав знакомых, тянувших кофе и пиво под тентами, Ларс свернул в тесный извилистый переулок. Здесь, глядя друг на друга, стояли старинные дома под черепицей, с высокими островерхими фасадами. Переулок был сплошь забит автомобилями, — строители XVII века явно не предусмотрели такого поворота событий... Полному Магнуссону пришлось буквально протискиваться между машинами и стеной.

Наконец, — вот он, адрес, указанный в объявлении! Подъезд почтенного светло-бежевого дома; три уютных истоптанных ступени... Тщательно промокнув лицо платком и одёрнув пиджак, Ларс позвонил в дверь, украшенную медной табличкой: «Психиатр, доктор медицины Пер ВИСТРАНД».

Встретила в прихожей медсестра — рыжая жизнерадостная толстушка, словно служившая рекламой лечебным успехам доктора. Пристроив шляпу пациента на вешалку, она легонько постучала и отворила дверь...

Ларс очутился перед столом, за которым сидел мужчина в белом халате.

— Здравствуйте, доктор Вистранд. Я... э-э...

— До сих пор ничего обо мне не слышали? —

Врач тут же вскочил, чтобы пожать руку вошедшему. Он был чрезвычайно подвижен и приплясывал, как на углях; льняные волосы чуть вились, светлые выпуклые глаза казались рассеянными, блуждающими. — Ах, как я вас понимаю! Старые, добрые обычаи! Вы доверяете только врачу, с которым много лет подряд сидите в пивной... И, наверное, вы правы. Но... по всей видимости, вы до сих пор никогда не обращались к психиатрам?

— Бог миловал, доктор, — сказал Магнуссон, тяжело опускаясь на стул.

— Так что же вас привело ко мне?

— А...э... вот эта статья!

Неторопливо достав из кармана много раз сложенную газету, столь же степенно Ларс развернул её и, водя пальцем, прочёл:

— «Видный итальянский врач-исследователь Карло Джелли предостерегает: в мире отмечены случаи ранее неизвестного, опаснейшего психического заболевания, названного в США «болтливый Джек». Если не вмешаться, болезнь приводит к полному расстройству умственных способностей, к депрессии и почти неизбежному самоубийству...» И вот дальше: «К счастью, недуг, пока что не имеющий официального названия,

поддаётся лечению известными медикаментами — но лишь в том случае, когда он захвачен в самом начале. Первыми симптомами болезни является непреодолимое желание произносить вслух слова и фразы, как правило, на сильно искажённом или фантастическом, несуществующем языке...»

Снова сложив, он спрятал газету.

— Ясно. У вас именно эти симптомы?

— Похоже, что эти.

Поставив локти на стол и опершись подбородком на пальцы рук, психиатр чуть наклонился вперёд и в упор уставился на Ларса. Взгляд его стал каким-то обволакивающим; глаза будто выплыли из орбит, заслоняя собой всё лицо. Магнуссон отпрянул было... но внезапно тепло и покой разлились по всему его телу. Он уже полностью верил Вистранду.

— А почему именно ко мне?

— Это... наша городская газета. И здесь, рядом со статьёй, ваше объявление.

— Да-да, я недавно здесь... пока что приходится себя рекламировать!

Перестав давить взглядом пациента, Вистранд с облегчением выдохнул воздух и откинулся на спинку стула.

— И давно вас беспокоят... эти симптомы, господин Магнуссон?

— Очень давно, — сказал начальник почты,

охваченный странной дремотой. Сейчас ему было бы трудно даже пошевелить рукой. — С детских лет. Я стыдился, сдерживался; только самым близким друзьям рассказывал, потом и им перестал.

— Кто-нибудь записывал на магнитофон? — быстро спросил врач.

— Да ну что вы, стыдно же как! Я только иногда, знаете, где-нибудь вечером в парке, где никто не слышит... или на морском берегу... становлюсь и говорю всё это, как молитву. И вдруг... эта статья...

— Ясно! — Хлопнув ладонью по столу, психиатр словно поставил на чём-то точку. — «Болтливый Джек», он коварный. Скрытый период может продолжаться десять, двадцать, тридцать лет... А потом — раз! Соскочил в мозгу ма-аленький крючочек с ма-аленькой петельки. И вы уже не можете ответить, сколько будет дважды два...

— Четыре, — зачарованно сказал Магнуссон. Вистранд опять засмеялся, показывая мелкие зубы:

— Ну, что вы, что вы! Если бы дело зашло так далеко, вы бы уже не читали газет...

Он придвинул к пациенту маленький диктофон, нажал сенсор.

— Прошу вас, говорите.

— Что говорить? — не сразу понял пациент.

— Да вот те самые слова, что вас мучают с

детства. Которые всё время хочется повторять...

— Так ведь это же полная бессмыслица, доктор. Просто белиберда какая-то. Правда, один парень сказал мне, что немного похоже на французский. Он хотел быть дипломатом и изучал языки...

Вистранд слегка вздрогнул.

— И давно это было? Где именно?

— Да лет двадцать пять назад, или больше. В школе...

Психиатр покивал. Улыбка была намертво приклеена к его лицу.

— Ладно, давайте, давайте! Это необходимо для того, чтобы поставить точный диагноз.

И Магнуссон заговорил. Необычные сочетания букв проговаривал тяжело, словно ворочая языком камни. Говорил с минуту; останавливался, припоминал — и снова выдавливал из себя певучие, картавые сочетания звуков... Склонив голову к плечу, напряжённо слушал Вистранд; его губы в такт шевелились.

— Всё, — сказал, наконец, Ларс и закашлялся.

Врач быстро выключил запись, метнулся за графином с водой, налил...

— Спасибо, большое спасибо, господин Магнуссон! Ещё пару минут, пожалуйста. Сейчас сестра Клара возьмёт у вас анализ крови и даст укрепляющее. Будем разбираться...

Туман, окутывавший сознание Ларса, рассеиваться не хотел. Словно в полусне, он подставил руку... Ловкая рыжая толстушка, показывая в улыбке отличные зубы, быстро и почти безболезненно взяла кровь из пальца. Принесла большую таблетку на блюдечке и стакан воды; он проглотил механически, последовав распоряжению сестры — «не жевать».

Затем пациент обрёл себя стоящим на ногах. Он ещё механически прижимал к уколотому пальцу ватку со спиртом, — а небольшой, по плечо Магнуссону, Вистранд уже вёл его к порогу.

— Послушайте! — воскликнул начальник почты. — Но... что мне делать дальше? Вы мне дадите какой-нибудь рецепт? И сколько я вам должен за визит?

— Ничего вы мне не должны, будем считать нашу встречу добавочной рекламой, — журчал врач, таща Магнуссона, словно муравей солидную гусеницу. — А рецепт я дам, когда будет готов анализ. Всё, всё... Ведь вы же расскажете обо мне своим друзьям? В маленьком городе это важнее, чем Интернет... Сегодня у нас что, пятница? Вот, в понедельник, после обеда, и зайдите. Ну, что ещё... старайтесь не волноваться, не злоупотребляйте спиртным. Витаминов можете попить. Будьте здоровы!

Замок щёлкнул перед Ларсом.

Немного потоптавшись на лестничной площадке, он вздохнул и стал спускаться на улицу. Брёл по горячим плитам прадедовского тротуара. Ларса терзала необъяснимая тоска, словно его провёл ловкий мошенник. Хотя вряд ли: вон, даже денег не взял... И всё-таки, было в этом Пере Вистранде, в его манерах нечто подозрительное. У кого бы поинтересоваться, откуда здесь взялся этот доктор?..

Всё ещё слегка сонный, Магнуссон отметил, что из его кармана пропала сложенная газета. Вернуться к психиатру и забрать? А может быть, он посеял её уже после выхода? А, всё равно... Ничего делать не хотелось; даже пройти несколько шагов назад и посмотреть на мостовой — казалось непосильной задачей.

На перекрёстке Гамла-Марине и Конунг-Бьёрн-гатан, там, где старые липы столпились вокруг бронзового тритона-водоёма, Магнуссон вступил в тень пышных крон. Его поманила пустая скамья. Нет больше сил идти... нет сил... всё плывёт перед глазами...

На скамью он не сел, а буквально рухнул. В следующий миг всё погасло. Безжизненное тело Ларса медленно повалилось набок...

За домами, на площади, густо и сипло пробили столетние часы ратуши.

Глава вторая: о «Крейцеровой сонате», глоссолалии и других занятных вещах

Они познакомились после концерта.

То есть, Павел предчувствовал это знакомство, ещё когда работал на сцене. Посреди первого ряда сидел друг, Роман Козулин, и благосклонно внимал игре. А по соседству с ним замерло, слушая, неземное существо. Левая рука существа была утверждена локтем на колене; изящно выгнутая ладонь служила опорой тонкому личику с нежным румянцем, большими прозрачно-серыми глазами и ржаной чёлкой на лбу.

Павел всегда выкладывался, играя, но сегодня превзошёл себя. Даже такие сложные, понятные лишь знатокам пьесы, как «Крейцера соната» или фа-диез-мажорный концерт Венявского, звучали у него живо и доступно. А уж когда, вторично выйдя на громовые аплодисменты, он лихо выдал сверх программы «Чардаш» Монти, — существо в первом ряду просто растаяло. Лучезарно улыбаясь и морща носик, отбивало ладони. А потом что-то быстро. Быстро шепнуло Роману. И друг сделал знак, оттопырив губу и задрав большой палец: «Во, молодец!..»

Скрипачу натащили в гримёрку цветов. Это

было очень кстати. Он глянул на себя в зеркало: ну, каштановый вихор на темени торчит фатально, а так ничего себе. Матово-смуглый, лобастый, с ямкой на подбородке... Кто брал интервью, отмечал нередко «горячие цыганские глаза».

Наскоро переодевшись, он выбежал из служебных дверей филармонии. Козулин и незнакомка в легчайшем белом плаще ждали возле Романова «ауди». Тут Павла кольнуло: да ведь она же с Романом! Правда. Он женат, но мало ли что...

Впрочем, Павел не подал виду, что опечален. На громогласные, с похлопыванием по плечу, восторги Козулина и краткое, но полное чувства «Спасибо вам», произнесённое низковатым бархатным голосом незнакомки — ответил поклонами, смущением, наконец, передачей громаднейшего букета в её руки. В общем,отреагировал, как положено. Её звали просто и мило — Нина Зорич... Роман запихнул обоих в своё авто и повёз ужинать.

За столом в ресторане Павел опять воспрянул духом, поскольку выяснилось, что Нина — всего-навсего подруга жены Козулина и подменила заболевшую Светлану. «Не продавать же билет!» — хохотал кудрявый, краснощёкий, шумный Роман. «Вдруг село бы рядом этакое... страшное, как сама добродетель, — брр! А тут точно знаешь: идёшь на концерт с красивой женщиной, и все завидуют...»

— «да зачем ты вообще билет брал? Не провёл бы я вас, что ли?» — недоумевал Павел. «В клинике распространяли. Приходит девочка, наш профорг, и этак торжественно объявляет: с великим трудом достала билеты на знаменитого скрипача Шунько. Ну, как было не взять?!» — «Врёшь ведь, Козуля?» — «Вру: но ведь красиво!..»

Нина смеялась, обнажая блестящие ровные зубы. Павел был в ударе. Даже голова кружилась. Сыпал остротами, древними музыкантскими шутками. Особенно удавалась ему роль путаника-конферансье, перевирающего и авторов, и произведения: «Композитор Шкрябин, «Поем я из таза»; композитор Крендель, «Поскакалия»²...

Потом, слово за слово, пошёл всё более серьёзный разговор. Нина вдруг обнаружила определённые познания в музыке. Довольно верно покритиковала пианиста, партнёра Шунько, и даже осмелилась заявить, что первую часть «Сонаты» Бетховена, с её напористым темпом, надо играть, может быть, менее технично, но с бо льшим чувством... На восхищённо-удивлённый вопрос Павла, откуда она это всё знает, Нина сообщила,

² Имеются в виду знаменитые композиторы и их произведения: А. Н. Скрябин, «Поэма экстаза» и Г. Ф. Гендель, «Пассакалия».

что когда-то брала в руки скрипку, да вот — не вышло из неё Ванессы Мэй...

— Ну, что-нибудь наверняка да вышло! — галантно возразил Павел. — Не одной музыкой жив человек. Если не секрет, кто вы по профессии?

— Держись, брат Шуня, Нинуля у нас ого-го! — вмешался Роман, немного грустный оттого, что он за рулём и не может даже пригубить коньяк. — Есть один современный английский поэт, так она его стихи так перевела, что он чуть не свихнулся. Не хочу, говорит, больше писать по-английски! В переводе мисс Нины Зорич, говорит, мои стихи в десять раз лучше! И начал он, братцы, осваивать русский язык...

— Не слушайте его, — отмахивалась Нина. — Здесь только то правда, что я переводчица, имею диплом лингвиста. Работаю в городском центре переводов...

— Она, брат, ещё и французский знает, и испанский! — не унимался Козулин. — И незамужняя, между прочим...

Внезапно Павел потупил взгляд, сделался молчаливым и скованным. Казалось, его грызёт неотвязная мысль. Тщетно Роман пытался расшевелить друга. Не помог даже тёплый, окрашенный тревогой взгляд Нины. Музыкант пытался улыбнуться, даже пошутить, — но видно было, что всё это даётся ему с трудом. В конце

концов, он совсем замкнулся в себе и смотрел лишь на блюдец с нарезанным лимоном. «Шуня и в школе был такой», будто прося прощения, сказал Нине Козулин. «Что поделаешь, гений! Залезет в свою ракушку и молчит. Уж били мы его, — всё равно...»

Оттаял Павел лишь возле машины, да и то на несколько секунд. Чтобы сказать, запинаясь и встряхивая протянутые на прощанье пальчики Нины:

— Вы меня извините... есть один вопрос, именно как к переводчику... очень, очень для меня важный! Это... поймите правильно, я не назначаю вам свидание, но... мне обязательно надо вас видеть. Я потом объясню...

— Хорошо, с удовольствием. — Серые глаза смотрели недоумённо и чуть насмешливо, но без неприязни. — Запишите мои телефоны.

Сутулясь, прижав локтем футляр со скрипкой, он записывал... Роман высунулся из окна:

— Чудак человек! Давай, брат, отвезём Нину, а потом я тебя домой заброшу. Ты что, кислого наелся?

— Не надо, старый, — отвечал Павел, стараясь как можно скорее скрыться в темноте. — Я пешком пройду. У меня тут ещё... дела. В общем, поезжайте!..

...Как хорошо, что Козуля не вспомнил об

этом ! А ведь он — один из живых свидетелей. Как хорошо! Нет, — нужна совсем другая, не ресторанная обстановка. Сама судьба посылает навстречу лингвиста, языковеда... да ещё в таком чарующем облике!

И радостно, и страшно теперь — до дрожи... Тайна, хранимая двадцать с лишним лет! А вдруг она скажет: ничего интересного, бессмысленный набор звуков? Скорее всего, так и будет. Но всё-таки обязательно надо проверить... попробовать...

Всё быстрее шагал Павел вдоль набережной, машинально проводя рукой по барьеру стриженных, одетых свежей листвой кустов. Было уже совсем поздно, близко к полуночи. По чёрной воде шла одинокая самоходная баржа, её фонари дробились маслянистыми бликами. В заречье невинно мерцали тысячеоконные массивы, но и там уже убывало света.

...А если Козуля возьмёт, да и выложит ей всё по дороге? Так, для забавы? С него станется. Она будет подготовлена — с худшей, грубо-комической стороны, и не сможет воспринять серьёзно то, что расскажет Павел...

Нет. Нина не такая. Она — настоящая, умная, чуткая. В любом случае, рассказать необходимо!

...Однажды — ему было лет восемь от роду — к Павлу начали приходиться слова на неведомом